

ЧЕЛОВЕК В ЭПОХУ СПИДА

Культура. 1994. - 22 янв. - С. 11

ОПАЛИВШИЙ КРЫЛЬЯ

«Когда ты молод, смерть кажется далекой. Но внезапно она прыгает на тебя с обеих сторон...».

Произнесший эти слова молодой французский кинорежиссер Сирил Коллар уже мертв. Он стал жертвой СПИДа. Испробовавший все степени свободы и все человеческие страсти, Сирил Коллар узнал и настоящую, хотя и непродолжительную, любовь с женщиной по имени Лоранс. Историю своей любви он рассказал в последнем, напугавшем во Франции фильме «Дикие ночи», получившем престижного «Сезара». Однако последние его дни возле художника была не Лоранс, а другая женщина — Коринна Блю. В «Диких ночах» Блю играла мать героини — Лауры, чей прототип — как раз загадочная Лоранс.... Незадолго до смерти Коллар корреспондент журнала «Пари-матч» взял у него большое интервью. Опубликованное уже после смерти режиссера, оно соседствует в журнале со словами самой Лоранс, которая отказалась предоставить редакции свою фотографию, боясь разрушить очарование фильма. Где история их любви увидена глазами самого Коллара...

Сирил Коллар занимался разными делами. Он учился в инженерном училище и был живописцем. Писал книги и увлекался математикой. Но его кинематографическую судьбу решила встреча с Морисом Пиала — прославленный постановщик «Ван-Гога» привел молодого человека в кинематограф...

«В 1986 году вы узнали, что Сирил болен СПИДом, — спросил корреспондент у Лоранс. — Как вы жили дальше?» «Нужно было жить с этим, — ответила она. — Я помню, что с получением этого известия наши отношения стали более тесными, более страстными. Мы были двумя любовниками, которых объединяло еще и то, что оба носили в себе одну и ту же смертельную болезнь. Я думаю, что Сирил чувствовал себя виноватым...» «А какой была ваша реакция, когда вы узнали, что не болен СПИДом?» «Я подумала, что это чудо, сверхъестественное чудо. Как в смысле психологическом, так и в чисто медицинском. Должно быть, я родилась под счастливой звездой...».

Интервью с Сирилом Колларом публикуется со значительными сокращениями.

— Ваши «Дикие ночи» — это греческая трагедия в изложении человека 90-х годов?

— Да. Это романтическая борьба Любви и Смерти, Эроса и Танатоса. Лаура отказывается предохраняться, ибо она убеждена, что сама Любовь уберет ее от опасности. Это честный, твердый, бескомпромиссный романтизм, который понимают молодые люди; и это немного напоминает безумную страсть Шопена и Жорж Санд... Постоянной угрозой СПИД как бы моделирует наше сегодняшнее ощущение мира и наш способ жить.

— Ваш фильм носит очень автобиографический характер. Например, медсестра на экране — это в действительности ваша медсестра. Коринна Блю, ваша подруга, играет роль матери Лауры...

— Да, это частично автобиографическая работа. Но, когда я писал книгу и затем снимал фильм, я хотел рассказать историю, роман. Снимая, я говорил: «Жан, он» — то есть в третьем лице. Я не задавал себе вопроса — я это или не я.

— Фильм вызывает больше оптимизма, чем книга...

— Да, в фильме больше прекрасного романтического ощущения любви, там рассказывается о человеке эгоцентричном, который все-таки находит возможность открыться другим.

— Это ведь отражение и вашей собственной эволюции?

— Да, и моей, и Жана. Своим оптимизмом фильм обязан иному взгляду на мир. Однако я вовсе не принадлежу к прекраснотупым оптимистам. Да, необходимо, чтобы люди имели надежду, но я никогда не считал, что все кругом розово. Однако эта нотка надежды все-таки должна прозвучать, не правда ли? В последние месяцы у меня появилась особая чувствительность к миру, к предметам. Я стал немного по-другому «считывать» мир, как-то иначе в нем жить. Все это не просто. В фильме я исследовал тему искупления. Я не очень доверяю иудейско-христианской терминологии, но куда от нее денешься? Я не знаю светских, мирских слов,

что они — в нем самом, в Жане.

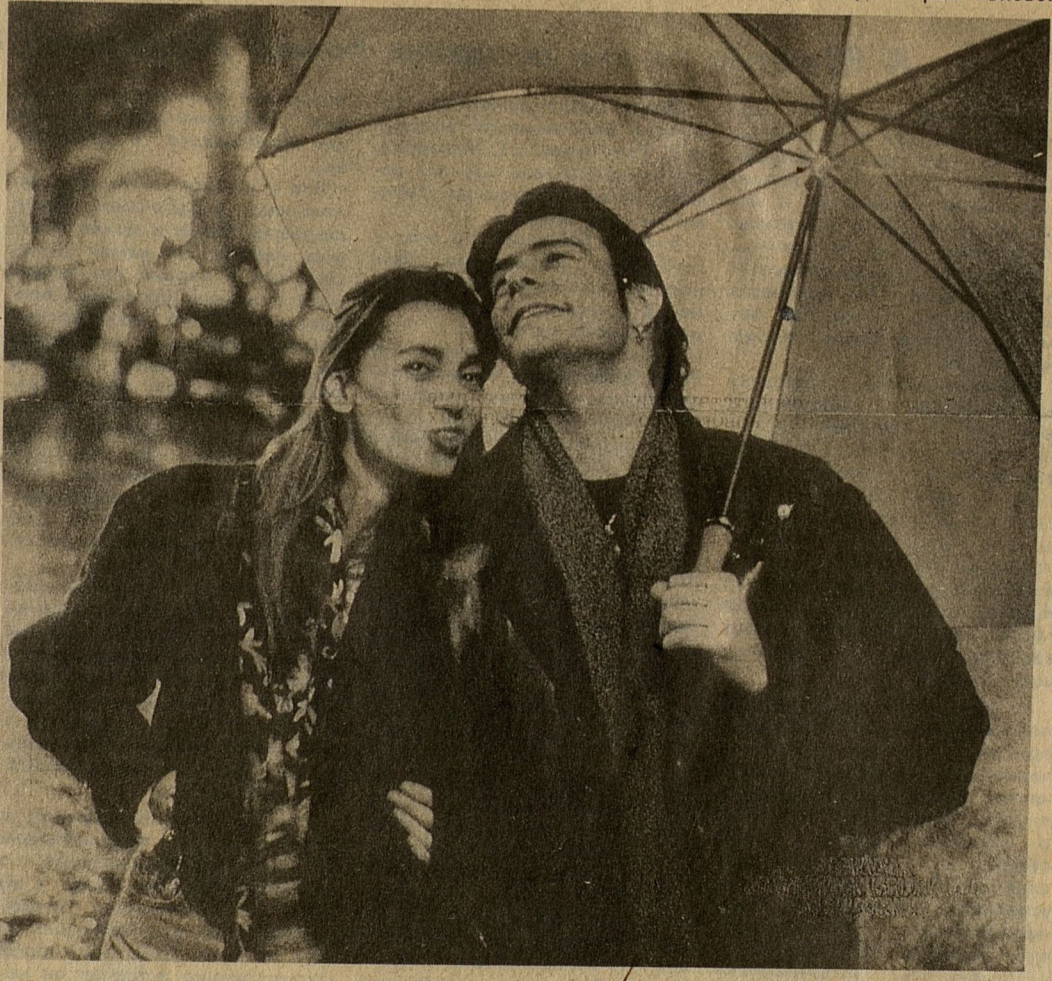
— Вы сами в этом черпаете силы надеяться?

— Да. Несмотря ни на что. Я не вхожу ни в какие секты, но иногда это мне действительно помогает.

— Как вы живете с ощущением постоянной угрозы?

— Когда мне сказали, что у меня СПИД, я испытал ужас, безмерный ужас, и этот ужас меня опрокинул. Но затем вновь пришла теплота... Мое моральное состояние сегодня тесно связано с физической формой. Я много работаю, чтобы не отступать, но никогда не забываю. Когда усталость выбрасывает меня из активной жизни, это очень угнетает. Я прекрасно знаю, что одних моральных сил недостаточно для борьбы, но, если я остановлюсь, это будет значить, что я опустил плечи. И это все поймут. А люди хотят видеть и другие фильмы... «Дикие ночи» — это не завешивание.

Не завешивание — но последняя работа, которая поневоле

которые могли бы быть подходящими эквивалентами. Фильм раскрывает образ Жана, который совершает тяжкую ошибку, занимаясь любовью с Лаурой без предохранения. Но затем он понежноту становится лучше, приходит к искуплению вины. Я пересыпал ткань фильма знаками религиозного происхождения: лиссабонское распятие, знаменитые слова апостола Павла: «Для чистого все чисто»... Жан воспитывался не у родителей, а в колледже. Там религиозное воспитание скорее пантеистическое, чем католическое. И я ввел в фильм религиозные символы, оттого

звучит трагическим заветом... «Вот Сирил ушел, — спросил корреспондент у Лоранс. — Вы испытываете о чем-нибудь чувство сожаления?» «Сожалею, что время разъединило нас, — ответила Лоранс. — Когда я уходила, то сделала это потому, что чувствовала необходимость вновь найти саму себя. А если я о чем-то и сожалею, то только о том, что меня не было с ним рядом в его последние минуты...»

Материал подготовил Д. САВОСИН.

● Коринна и Сирил. Фото из журнала «Пари-матч».